

В зале остались лишь доверенные служанки и стражи. Императрица У, краем глаза бросив на них взгляд, подобрала полы платья и, стиснув зубы, опустилась на колени:

— Выслушайте меня, Ваше Величество. С тех пор, как в Восточном дворце произошло отравление, Ваше Величество редко посещает дворец Циннин. Я знаю, что в душе Вашего Величества закрались сомнения из-за того, что я несколько раз отчитывала наследного принца, но... даже тигр не пожирает своих детенышей! Хун ведь наш с Вами родной старший сын!

— Помнит ли Ваше Величество, что Хуна я носила, еще находясь в храме Ганье? После возвращения во дворец внутри нас подстерегала низложенная императрица Ван, снаружи — Хань Юань и Лай Цзи, старые кланы Гуаньлун жадно следили за нами. Какие тревожные и опасные времена! Как же мы с Вашим Величеством тогда искренне надеялись на рождение Хуна! Вспоминая теперь, все стоит перед глазами. Как же я могла своими руками отравить собственного ребенка?!

На лице императора промелькнуло легкое смягчение. Спустя некоторое время он спросил:

— Если ты хотела найти для наследного принца лекарство, почему не сказала прямо? Зачем тайно приказала Се Юню покинуть столицу?

— Ваше Величество! — Императрица У подняла голову, и голос ее задрожал. — Если бы я тогда сказала прямо, что бы подумало Ваше Величество? Раз возникло подозрение, все становится подозрительным. Если Ваше Величество в душе решит, что я — коварная, скупая и жестокая особа, разве можно будет объясниться одной-двумя фразами?! Я лишь хотела как можно скорее найти противоядие и вылечить Хуна. Тогда подозрения Вашего Величества ко мне сами собой рассеялись бы!

— Ваше Величество и я — супруги много лет. Разве Ваше Величество не знает, какой я человек?!

В опочивальне казалось, даже воздух застыл. Даже фимиам из амбры, струящийся из золоченых курильниц, замер беззвучно и неподвижно.

...

Спустя очень долгое время император наконец испустил долгий вздох, поднялся и лично помог императрице У подняться с пола.

— Ты тоже не вини меня в излишней подозрительности... Все эти дни с момента отравления Хуна в моем сердце тоже царит смятение...

Императрица У в душе слегка расслабилась, взяла императора под руку, и супруги вместе подошли и сели друг напротив друга, глядя в глаза.

Ночной ветер ранней осени проник в чертог Цзычэнь, колыхнув многослойные занавеси из яшмовых крюков и ледяного шелка, словно бесчисленные порхающие бабочки, разнеся по всему залу тонкий аромат кувшинок из пруда Тайе вдаль.

— Искусство владения оружием командующего Се не имеет равных в мире, у него всегда были свои пути в мире рек и озер. Если он сможет разузнать вести о снежном лотосе, это, естественно, будет хорошо...

Император сделал паузу, затем изменил направление разговора:

— Но командующему императорской гвардии запрещено покидать столицу — таково правило, установленное после создания Северного ведомства императором Тайцзуном, и в нем есть свой смысл... Я полагаю, это дело лучше устроить так. Завтра утром ты передашь приказ командующему Се, чтобы он немедленно вернулся в столицу. Дело разведки снежного лотоса на юге передать в руки Скрытых врат...

Императрица У удивилась:

— Скрытые врата? Разве Скрытые врата уже не...

Император кивнул, но не дал пространных объяснений, лишь сказал:

— Если не доверяешь Скрытым вратам, я также прикажу генералу кавалерии сюнцзи Юйвэнь Ху взять войска и двинуться на юг для поддержки. Как только противоядие будет получено, немедленно доставить его в столицу на быстрых конях. В преданности Юйвэнь Ху я уверен. Таким образом, все будет в полной безопасности. Как полагает императрица?

Супруги улыбнулись, глядя друг на друга, словно любящая пара фениксов в мире.

Императрица У, встретив взгляд императора, мягко кивнула и нежным голосом произнесла:

— Я тоже считаю, что это очень хорошо.

Полчаса спустя, перед дворцом Циннин.

Внутренний слуга опустил паланкин. Императрица У отмахнулась от служанок, спешивших поддержать ее, и одним шагом ступила на землю, холодно произнеся:

— Что вообще происходит с вашим командующим?!

Перед главным залом дворца Циннин уже давно стояли на коленях два стража дворцовой охраны в темно-красных военных одеяниях. Один из них с глубокими чертами лица и красивой внешностью, линия подбородка особенно сильно напоминала Се Юня — это был тот самый теневой страж, что беседовал с Юйвэнь Ху в кабинете дома Се!

— Отвечаем Вашему Высочеству, императрице. Наш командующий действительно отправился на юг более полумесяца назад, чтобы разыскать следы снежного лотоса. Но это потому, что снежный лотос чрезвычайно трудно найти, а отнюдь не из-за намеренного неповиновения указам Вашего Высочества! Ма Синь и другие на днях передали вести с юга: у командующего дела идут успешно, уже...

Императрица У в гневе воскликнула:

— Почему мне не доложили?! Разве ваш командующий уже скрывает что-то даже от меня?!

Оба стража одновременно ударили лбами о землю. Теневой страж в волнении заговорил, и даже голос его был несколько похож на голос Се Юня:

— Успокойте гнев, Ваше Высочество! Командующий покинул столицу внезапно, этого никак не ожидали! С ним отправился лишь монах Синь Чао из храма Цыэнь, даже Ма Синь с людьми выехал из столицы лишь тремя днями позже, не успели доложить вести во дворец Циннин...

Императрица У жестом велела стражам подняться и следовать за ней, сама же повернулась и направилась в главный зал. Сделав пару шагов, она вдруг почувствовала неладное:

— Погодите. Монах из храма Цыэнь? Как его зовут?

— Отвечаем Вашему Высочеству — Синь Чао.

...

Шаг императрицы внезапно замер.

— Ваше Высочество?

Императрица У обернулась. Если прислушаться, сейчас в ее голосе чувствовалась легкая неуверенность:

— ...Сколько лет этому монаху? Как он выглядит?

Оба стража, не понимая в чем дело, переглянулись и, запинаясь, описали внешность, рост и возраст монаха Синь Чао, добавив:

— Этот человек два года назад был принят мастером Чжюанем, в храме вел себя тихо, дурной славы не имел. Вообще-то, командующий столкнулся с ним по воле случая, потому что в день отравления в Восточном дворце этот монах тоже присутствовал...

Императрица У слегка задышала чаще, отступив на полшага.

— Почему... — прошептала она, и ее алые губы, подкрашенные превосходной помадой, слегка задрожали. — Почему он... еще жив...

* * *

Цзяннань, поместье Ковки Мечей.

Хотя усадьба располагалась в задних горах, на некотором отдалении от главного дворового комплекса, она была изящна, великолепна, с пышными цветами и деревьями. Близился вечер, сумерки. Десять с лишним человек заполнили собой передний зал. После того как служанки подали чай, старая госпожа с мрачным, недовольным лицом приказала:

— Сходите во внутренние покои, пригласите юную госпожу.

Се Юнь приоткрыл крышку чашки, взглянул и вдруг рассмеялся, тихо сказав Дань Чао:

— Мастер, благодаря вам нам даже чайники не досталось.

В чашке оказалась простая вода, да еще и совсем без пара — Дань Чао открыл свою чашку, увидел то же самое и лишь беспомощно покачал головой.

Впереди один из старших учеников, видя, что никто не обращает внимания, незаметно обернулся и, не привлекая внимания, слегка сложил руки в приветствии Дань Чао, тихо произнес:

— Я — Чжоу Юй из Цинчэна. Сегодня имею счастье лицезреть мастера, искренне восхищен и преклоняюсь.

Дань Чао не знал, как ответить, лишь кивнул.

Чжоу Юй вовсе не обратил внимания на несколько холодноватый ответ Дань Чао, лишь с негодованием сказал:

— Не думал, что в поместье Ковки Мечей прошлой ночью в спешке доставили старшую сестру Фу сюда — место-то уединенное. Жаль только, что мастер провидел события, словно обладая божественным проникновением, и расстроил планы поместья Ковки Мечей. Теперь им придется снова воскресить из мертвых юную госпожу и забрать обратно — видно, старались зря, да еще и погубили жизнь невинного простолюдина!

Дань Чао сказал:

— Я не смею принимать такие слова.

Он сделал паузу, затем твердо произнес:

— Это дело ни в коем случае нельзя уладить частным образом. После того как они заберут юную госпожу Фу обратно, я непременно...

Его голос внезапно оборвался.

Неприменно что?

Сообщить властям? Добиваться справедливости? Или заставить высокомерного молодого хозяина, госпожу из влиятельной семьи боевых искусств заплатить жизнью за купленную за деньги служанку?

Даже если смогут заплатить, то как поступить с родителями, продавшими родную дочь за сто лян серебра? Как с ними поступить и можно ли вообще что-то сделать?

Ветры и дожди речного мира, изменчивые дела человеческие. Сколько несправедливых, неразумных, но постоянно происходящих событий. Сколько душ, непокрытых белым саваном, не погребенных желтой землей, но существующих как нечто само собой разумеющееся, всем известное.

Таков путь мира.

Путь, по которому живет каждый человек, выискивая щели и трещины, суется и изворачиваясь, стараясь извлечь из него крупницы ничтожной радости и удовлетворения, и привычно проглатывая еще больше тоски и горечи.

Дань Чао долго, глубоко выдохнул, но какой-то угнетенный ком застрял у него в горле — ни проглотить, ни выплюнуть.

Спустя некоторое время под полным надежд взглядом цинцинского ученика он наконец улыбнулся — по крайней мере, эта краткая улыбка была спокойной, безмятежной и искренней.

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал он.

Служанка, отправившаяся во внутренние покои пригласить юную госпожу, ушла надолго, и все в переднем зале начали слегка волноваться. Цзин Лин терпел особенно плохо, постукивая суставами пальцев по столу, наконец грохнул чашкой:

— Что же она так долго? Опять какие-то уловки?

Этот вопрос выразил мысли всех присутствующих. Фу Вэньцзе вынужден был сдержаться:

— Господин Цзин, пожалуйста, подождите еще немного. Возможно, младшей сестре требуется время, чтобы привести себя в порядок. Я пошлю еще кого-нибудь поторопить...

Цзин Лин холодно сказал:

— Если поместье Ковки Мечей еще посмеет применить любую уловку, не пеняйте на мою неучтивость!

<http://bllate.org/book/15578/1387135>